

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЭП-БАТТЛ КАК НОВАЯ ФОРМА ДИСКУРСИВНОЙ ЭРИСТИКИ

Романов А.А., Романова Л.А.

В работе поднимается вопрос о прагмалингвистических свойствах комплексного жанрового явления «политический рэп-баттл» как новой агонально-эристической формы коммуникации для выявления победителя в политической борьбе между представителями различных политических течений, партий, объединений, союзов и групп. Ставится вопрос о политтехнологическом статусе коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл» в предвыборном коммуникативном пространстве. Анализируется семантический объём модусно-модального комплекса «рэп», задающего регулятивно-прагматический каркас коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агональный дискурс, вербальное / речевое действие, вербальное / дискурсивное противостояние, гибридные предвыборные технологии, дискурсивная практика, коммуникативный конструкт, политический дискурс, политическая предвыборная эристика, предвыборная коммуникация, рэп-баттл

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА; профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Политический рэп-баттл как новая форма дискурсивной эристики [Электронный ресурс] // Мир

лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 46–101. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

POLITICAL RAP BATTLE AS A NEW FORM OF DISCURSIVE ERISTIC

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

The work raises the question of the pragmalinguistic properties of the complex genre phenomenon of “political rap battle” as a new agonal-eristic form of communication to identify the winner in the political struggle between representatives of various political movements, parties, associations, unions and groups. The question is raised about the political technological status of the communicative construct “political rap battle” in the pre-election communicative space. The semantic volume of the modal-modal complex “rap” is analyzed, which defines the regulatory-pragmatic framework of the communicative construct “political rap-battle”.

KEY WORDS: agonal discourse, verbal / verbal action, verbal / discursive confrontation, hybrid election technologies, discursive practice, communicative construct, political discourse, political pre-election ericism, pre-election communication, rap-battle

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy; professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru;

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A.A., Romanova L.A. Political rap battle as a new form of discursive eristic // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 2. – P. 46–101. Access Mode: <http://www.tverlingua.ru>

*Обменяться сигналами с Марсом –
задача, достойная лирики, уважающей
собеседника и создающей свою
беспричинную правоту.*

О. Манделъштам

1. Введение

Среди обширного многообразия форм реализации политических коммуникативных практик, раскрывающих механизмы борьбы в сфере публичной политической деятельности, таргетированной на завоевание, удержание и использование государственной власти в своих целях и интересах, выделяется класс коммуникативно-дискурсивных практик агональной направленности (от греч. *ἀγωνία* – “агон” в значении «борьба»), в которых оценочно отражаются «эристические» черты вербального поведения, внутренне присущие состязательной коммуникации и ведущие к словесной «победе любыми доступными средствами» и убеждающие говорящего субъекта, что в своём стремлении к победе «он всегда бывает прав». Относительно терминов «эристика, эристический», А. Шопенгауэр (1900: 3-27) отмечает: «Эристическая диалектика, следовательно, есть искусство вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть всеми правдами и неправдами». К числу черт вербального «эристического поведения» можно отнести наиболее характерные для данной (агонально-эристической) коммуникации свойства, а именно: *бескомпромиссность* противоборства с соперником, *динамика* вербального обмена, *публичная зрелищность*, *эмоциональный накал* вербального противоборства, *заряженность* на победу любыми средствами, *остроту* и *характерность* метафорической образности атакующих действий участников друг против друга в виде вербальных “уколов” или вербальных “ударов”, *точность* адресатного выбора, а также *точность* и *соответствие попаданий* в тематику обсуждаемых проблем, *скорость*, *быстрота* и

эффективность ответной реакции на выпады оппонента, а также *попадание* в *ритмику* интерактивного обмена “боевыми” вербальными действиями - практиками. Настрой участников агонально-эристической дискурсии на бескомпромиссное соперничество и обязательный выигрыш ярче и рельефнее всего проявляется в коммуникативных практиках предвыборной «дискурсии и контрдискурсии» (Романов, 2002; Романов, Романова, 2018a: Романов, Черепанова, 1998; Romanov, Malysheva, 2016).

В отмеченных коммуникативных практиках отражается конкретная (специфическая, агонально-эристическая) речевая деятельность политических акторов, в широком понимании терминов, которая формируется возникающими в процессе этой деятельности вербальными произведениями в виде *высказывания, текста, дискурса (естественно-языковой практики)* или *поликодового* образования – *коммуниката* как комплексного коммуникативного единства, образованного взаимодействием лингвистических, паралингвистических и экстра-лингвистических факторов, и реализуется в определенном социальном пространстве. В этом смысле предвыборная дискурсия выступает как совокупность построенных по типовому образцу (схеме, фрейму) речевых (вербальных, дискурсивных) практик, действий или коммуникативных актов претендентов (участников, кандидатов) на тот или иной выборный политический пост (Романов, 2002: 25; Романов, Черепанова, 1998: 7-49, 75-95; Романов, Романова, Воеводкин, 2000: 17-18), которые (то есть практики) маркируются различными лингвориторическими средствами и ориентированы на процесс завоевания или удержания политиком власти, а также на привлечение внимания массовой аудитории к его программе, своему имиджу, личности (подробнее см.: Романов, 1992; 1992a; 1995; 1997; 1999; 1999a; 2000; 2000a; 2001; 2002: 25; 2002a: 24-27; 2004; 2006: 250-253; Романов, Новоселова, 2019; 2020; 2020a; Романов, Романова, 2019; 2020; 2020a; Романов, Царьков, Романова, 2017: 5-39).

Политические коммуникативные практики (также: коммуникаты, послания), раскрывающие механизмы борьбы за выигрышные показатели и результирующую деятельность итогов предвыборного марафона, характеризуются широким разнообразием дискурсивных разновидностей воздействия на массового избирателя, среди которых выделяются своей зрелищностью, динамичностью и таргетированной направленностью агонально - конфронтационные – состязательные, нацеленные на выигрыш и публичную победу над оппонентами всевозможными доступными средствами – практики прямого противостояния с соперником лицом к лицу. В первую очередь к их числу следует отнести практики предвыборных дебатов на ТВ, теле- и радиоинтервью, публичные беседы с потенциальными избирателями в общественных приёмных, откровенные разговоры на встречах с избирателями в трудовых коллективах, общественных организациях и молодёжной аудитории, а также публичные выступления перед широкой аудиторией, где нередко возникают полемические дискуссии как с активными сторонниками, так и с оппонентами и т.п.

Стремление претендентов привлечь на свою сторону широкую аудиторию потенциальных сторонников и успешно избраться на тот или иной выборный пост обуславливает поиск новых неординарных форм эффективного воздействия на избирателей, которые (формы) могли бы интенсифицировать воздействующий потенциал предвыборных дискурсивных практик с целью социально-возрастного расширения секторального охвата необходимого электората и увеличения аттрактивной – в том числе и эмотивно-зрелищной – составляющей фонового контекста своих предвыборных кампаний. Практика привлечения к избирательным кампаниям народных артистов, любимых в народе спортсменов, современных писателей, а также авторитетных и популярных теле- и радиожурналистов широко известна. И эта практика не является случайной, а наоборот – достаточно продуманной и своевременной. С точки зрения воздействующего потенциала политических дискурсивных коммуникатов,

такая практика, оправдано опирается на научно - экспериментальную основу, ибо, как пишет классик немецкой социологии Элизабет Ноэль-Нойман (1996: 169), «человека волнует ощущение того, что он движется в одном направлении с другими, это воодушевляет его. Средства демоскопии (то есть метода социологического описания жизни народа – А.Р., Л.Р.) позволяют сегодня наблюдать накал зрительских симпатий во время Олимпийских игр или чемпионатов мира по футболу, демонстрации многосерийного детектива по телевизору, когда пустеют улицы, или же восторженное настроение населения, с интересом следящего за триумфальной поездкой по стране английской королевы. Даже предвыборная борьба в бундестаг каждый раз вызывает всеобщее оживление». Отмеченные социологом «оживления», «воодушевления», «восторженное настроение народа», «накала симпатий» и «всеобщее оживление» суть упомянутые нами выше составляющие элементы фонового контекста организовано проводимых мероприятий-кампаний, которые (элементы) в силу своей организованности и единения людей в избирательной кампании создают у причастных к ней избирателей «чувство общности», корни которого кроются в прототипическом прошлом, в «состоянии безопасности», придаваемой чувством общности, а также в «способности противостоять, действовать и быть свободным – хотя бы на какое-то время – от страха перед изоляцией» (Ноэль-Нойман, 1996: 169).

Тем не менее, современные ритмы развития общества и интенсивность доминирования сетевых коммуникаций, а также новые возможности компьютерно-медийных технологий диктуют необходимость поиска и апробирования новых форм воздействия на массового избирателя, которые были бы эффективнее применяемых на современном этапе избирательных технологий и могли бы отвечать новым вызовам времени в сфере общественной жизни, где, по мнению Клайда Клакхона (1998: 321), «должны быть проведены смелые эксперименты и поиски новых объединяющих принципов, согласующихся с миром, в котором коммуникация и экономическая независимость уже составили один из таких принципов –

впервые за всю человеческую историю». Таким смелым экспериментальным шагом можно считать поисковый выбор дискурсивно - жанровой формы политического рэп-баттла, на основе которой было апробировано проведение 5 октября 2017 года в Санкт-Петербурге первого в Российском политическом пространстве предвыборного состязания в виде вербального политического рэп-баттла (см. подробнее: Политический рэп-баттл. Полная версия, URL). Участниками этого первого политического рэп-баттла являлись действующие депутаты Законодательного собрания города Санкт-Петербург, которые были сторонниками разных политических взглядов и принадлежали к различным политическим лагерям, а именно – беспартийный депутат Максим Резник, позиционировавший себя сторонником блока партий «Яблоко» и «Партии Роста», и депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Андрей Анохин, представлявший интересы партии «Единая Россия».

Любопытен и интересен тот факт, что первый политический рэп-баттл состоялся в преддверии важного политического события в стране – намеченных в марте 2018 года выборов Президента РФ. Ввиду такого “случайного совпадения” событий вполне уместно рассматривать проведённый в октябре 2017 года в Санкт-Петербурге политический рэп-баттл в контексте предварительного зондирования настроений в электоральной среде относительно выборов Президента РФ, а также фиксации ожиданий горожан относительно этой политической акции в плане симпатий, предпочтений и готовности городского электората принять участие в обозначенном событии. В этой связи представляются вполне оправданными поиски и апробации новых форм взаимодействия с конкретными секторами (в рассматриваемом нами случае – с молодежным сектором) будущих избирателей для привлечения их внимания к выборам Президента РФ и апробации агитационных материалов (т.е. «политического языка») в молодёжной среде. В этом смысле проведённый на уровне города политический рэп-баттл между действующими депутатами Законодательного собрания Санкт - Петербурга вполне отвечал современной тенденции шире и

активнее вовлекать молодёжь в политическую жизнь российского общества. Этот факт – наряду с другими значимыми явлениями в жизни страны и города – мог, вероятнее всего, послужить одним из побудительных (каузальных) факторов для выбора такой новаторской формы вербально-коммуникативной состязательности как рэп-баттл, который как демократичный и общенародный вид борьбы давно – ещё с советских времен проведения серийных «музыкальных рингов» – был известен и популярен в городской молодежной среде. Зрелищное и эмоциональное событие политического рэп-баттла предназначалось для привлечения внимания не только электоральной молодёжи, но и для некоторой сверки готовности различных СМИ, политологов и политтехнологов к намеченной на март 2018 года предвыборной кампании.

Представляется, что интерес к такой форме открытого политического состязания и учёт реакции (как пробный вариант зондирования политического настроения) потенциального молодежного электората на конкретное бескомпромиссное столкновение – в виде увлекательного рэп-баттла – между представителями различных политических взглядов (а именно – стремящиеся к власти демократические силы, с одной стороны, против находящихся у власти продуктивных консерваторов, с другой стороны) должны были послужить организаторам состязания определённым **индикатором** (или «лакмусовой бумажкой»), способным измерять уровень эффективного взаимодействия молодёжи с правящим эстеблишментом, уровень её политических симпатий и предпочтений, а также фиксировать порог возможного использования коммуникативных технологий «мягкой силы» versus «острой силы» для «оперативной регуляции», в терминологии А.А. Романова (1988; 2020), и определять коммуникативное поведение молодежной аудитории с целью замера её эмотивного и вербального отклика на высказанные соперниками в рэп-баттле политические оценки, лозунги, призывы и критику. При этом, безусловно, не терялось из вида планирование

основной стратегической цели – привлечь внимание молодежи к активной и продуктивной политической деятельности в стране.

Поэтому выбор формы рэп-баттла как динамичной формы активной агитации и состязательного, публичного, а – главное – объективного, (т.е. проведенного у всех на виду по установленным заранее правилам) отбора претендентов на тот или иной политический пост не кажется случайным, если учитывать перечисленные выше факторы “боевой” коммуникации. Больше того, форма народного, публичного, не предложенного “сверху” выбора (отбора) победителя в реальном ”бою“ по правилам, с которыми согласны не только сами участники состязания, но и публика, предлагается в противовес административному выдвижению молодежных лидеров в политической среде. Без сомнения, в этой привлекательной и зрелищной форме выбора победителя легко усматривается определенная параллель между ”боевой“ формой вербального рэп-баттла и известными в прошлом и любимыми народными состязаниями в виде индивидуальных или групповых «кулачных поединков / боёв / потех / забав» (ср. поэму М.Ю. Лермонтова «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», а также описания в литературных произведениях уличных кулачных «боёв стенка на стенку», «взятия штурмом снежного городка», воинственных «танцев с оружием / с саблями / кинжалами / боевыми луками и т.п.»), в которых нашли отражение мотивы народной открытости, бескомпромиссности, честности и демонстративной молодецкой удалости ”боевых“ (состязательных – у всех на виду, ”на миру“) элементов народной культуры, где таким образом удалой участник (боец) принародно признаётся победителем, чтобы все видели и уважали его победу. Принародное признание – очень важный и значимый элемент выигрышной состязательности не только для самих участников боя, но и для свидетелей одержанной победы, так как пересмотреть результаты утвержденной всеми зрителями победы и изменить имя публично признанного победителя практически очень сложно, либо и вовсе нельзя. Не исключено, что данный

фактор значим и актуален для участников состязания, поэтому такое вербальное и интеллектуальное состязание как публичный рэп-баттл высоко ценится в современной молодёжной среде, в которой остры запросы на справедливость в принятии решений.

Нельзя также не признать выверенную «точечность» политтехнологического маневра организаторов таких политических баталий в поисках новой формы отбора лидеров не только в молодёжном окружении начинающих политиков в возрасте 18-25 лет, но и в более зрелой молодёжной среде 30-ти и 35-ти летних граждан и даже значительно старше. Больше того, при определенных условиях новую форму можно также применять параллельно с затратной в экономическом плане формой выбора под модным «заморским» названием «праймериз» или даже экстраполировать на другие политические мероприятия, где ставится задача объективно выявить публичных лидеров в общественном движении. Тем не менее, становится очевидным, что переплетение современной и популярной в молодежной среде формы различных «баттлов» с состязательными элементами традиционной народной «боевой» культуры может лишь только в некоторой степени объяснить востребованную популярность рэп-баттла как молодежного состязательного формата дискурсивного взаимодействия, который сегодня необходим, нужен и полезен молодёжи, чтобы выражать её настрой в современном мире, её виденье окружающего мира, её «цвет мысли», в терминологии Андрея Белого, а главное – желание и готовность молодёжи принимать активное участие в решении насущных проблем современного общества.

Таким образом, состязательная форма предвыборного рэп-баттла как молодежного политического формата становится той площадкой политического противоборства молодёжи, на которой в спектральной разновидности своих словесных баталий или вербальных противостояний среди молодых поэтов, экспертов, политологов и политиков на всевозможных ТВ-передачах и ток-шоу выносятся на публичное обозрение,

оценку и апробацию актуальные для молодёжной среды идеи, предложения, критические замечания, нацеленные на публичный (принародный) выигрыш в борьбе по установленным, согласованным и заранее оговоренным между всеми участниками публичных “боев” правилам. Иными словами, сегодня состязательный формат современного рэп-баттла востребован в молодежной среде, чтобы обозначить тот «пучок значений» проблем современного общества, «от которого зависит ожидаемый, постоянно повторяющийся способ поведения» людей, к сожалению нередко «дезорганизованного» (Клакхон, 1998: 283). В этой связи возникает объективная необходимость пристальнее приглядеться к динамичному феномену рэп-баттла как новой эристической формы политической борьбы / активности, в основе которой лежат устремления молодёжного избирателя продвигать свои идеи лидерства, справедливости, общественного признания и выработки новых демократических форм политической борьбы за власть, несмотря на изошрённые старания соперников противодействовать реализации намеченных целей в меру своих сил и способностей. При этом важно увидеть и понять, как структурируется динамика вербальной организации политического рэп-баттла, а также как можно определить и описать принципы и закономерности манифестационного и функционально-семантического построения комплексного вербального образования-конструкта, именуемого дискурсом «политического рэп-баттла». Не менее важным представляется также задача по выявлению лингвопрагматических и функциональных условий интерактивной реализации “эристического рэп-дискурса”, нацеленного на результирующий финал для одного из участников.

2. Постановка проблемы и методы исследования.

Широта зафиксированной выше проблематики обуславливает в первоочередном порядке рассмотреть ряд наиболее частных, но не менее актуальных вопросов, связанных с описанием интегративной природы дискурсивного образования «политического рэп-баттла». К ним вполне

закономерно можно отнести наиболее значимые вопросы о прагмафункциональном использовании рэп-баттла как новой типовой формы «дискурсивно-политической эристики» в особых политических целях. Очевидно, что эти значимые (или базовые) вопросы в свою очередь требуют подробных разъяснений относительно следующих моментов. В первую очередь, важно найти ответ на вопрос: почему такая необычная форма политической интеракции предложена именно молодежной среде избирателей и какая прагмафункциональная специфика кроется за нетрадиционной для отечественной культуры рэп-формой боевого жанра (нередко, даже агрессивного), требующего обмена “острыми” (оскорбительными, агрессивными, провокативными) вербальными действиями? Отражает ли в большей степени жанровая рэп-форма (т.е. как форма жанра в виде размеренного, рифмованного чтения) воздействующий потенциал своих вербальных посланий на массового зрителя по сравнению с обычной агональной формой вопросно-ответного обмена речевыми действиями или, в терминологии авторов статьи, «коммуникативной формой “боевого, дуэльного” фехтования»? Не менее интересен и важен также вопрос о том, существует ли особая специфика иллюкутивно-тематического и информационно - коммуникативного структурирования вербального образования в виде «политического рэп-дискурса»? Здесь же встает вопрос о том, существует ли связь между музыкальной формой в стилевом жанре рэп (рэп-жанре) и её влиянием на функционально - семантическую сторону комплексного дискурсивного образования вербальных действий всего «политического рэп-баттла»?

В лингвополитическом и политтехнологическом аспектах также важно получить ответ на вопрос о том, с какой аудиторией, где и на каком уровне предвыборной кампании (или предвыборных дебатов) можно использовать форму рэп-баттла в качестве инструментального субститута формы первичного голосования, известного как «праймериз», и насколько такая замена окажется плодотворной и правомерной? И, наконец, верно ли

предположение о том, что предложенная новая форма политической дискурсивной эристики является всего-навсего лишь данью молодежной моде и не несет в себе в плане вербального воздействия никаких дополнительных преимуществ по сравнению с известными формами предвыборных дебатов, публичных интервью или политического обмена мнениями между экспертами в ходе различных телевизионных ток-шоу?

Понятно, что перечисленные вопросы составляют всего лишь незначительную часть вопросов, которую поднимает заявленная в работе тематика исследования. Тем не менее, в этой первой статье нашего исследования данной тематики важно сначала предпринять попытку поиска ответов на те вопросы, которые позволят составить представление о вербальной структуре феномена «политический рэп-баттл» с тем, чтобы в последующих публикациях оказалось возможным обозначить и развить вопросы, связанные с особенностями иллокутивно - тематического и коммуникативно - информационного структурирования комплексного вербального образования в виде дискурсивного конструкта «политический рэп-баттл».

Описание прагмафункциональной специфики структурной организации дискурса рэп-баттла в условиях агонально-эристической политической интеракции и изучение прагма-эмоционального воздействия его единиц обуславливает применение инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики и функционально-семантического анализа. Теоретическим основанием исследования прагмафункциональной и информационно-тематической организации вербальных дискурсивных практик, формирующим интегративную основу конкретного предвыборного дискурса рэп-баттла, принимается деятельностно - регулятивный подход к анализу речевых (диалогических) единств, разработанный А.А. Романовым (1988: 92-103; 2020: 118-130) в рамках Тверской научной школы прагматической регуляции коммуникативным поведением говорящего субъекта, в основе которой лежит регулятивная (синергичная) модель

функционально-семантической организации диалогического общения как самостоятельных в манифестационно - конструктивном и функционально - прагматическом планах единиц – регулятивов, раскрывающих специфику и типовой характер вербального поведения говорящего субъекта, принимающего активное участие в диалогической интеракции.

Отправной посылкой исследования является представление дискурсивного образования как «организованно-структурированной совокупности естественно-языковых практик – регулятивов, объединенных говорящим субъектом вокруг иллокутивно - функциональной доминанты типового взаимодействия и направленных говорящим актором на решение конкретной коммуникативной задачи». С этих позиций «регулятивные действия («регулятивы») суть вербальные действия демонстративного типа поведения интерактантов в агонально - эристической (“боевой”) коммуникации» (Романов, 1988; 2002; 2019: 280-283; 2020; Романов, Романова, 2019a: 821-823; 2020; 2020a), которые используются для решения глобальной коммуникативной задачи – расширять и адаптировать под свои стратегические цели сферу применения коммуникативно-интерактивного пространства, чтобы изменить в свою пользу вербальное поведение собеседника и демонстративно одержать над ним решительную победу путём публичного признания побежденной стороной своего поражения.

Анализ вербального поведения человека говорящего (*homo loquens*) как актора в интерактивном взаимодействии любого – в том числе и агонально-эристического или «дуэльного» – коммуникативного характера (Романов, 2011; 2012; 2016; Романов, Романова, 2018; 2018a; Romanov, Malysheva, 2016) и выявление специфики его “погружения” (своего рода “уровень сопротивляемости”) в сферу комбинированной интеракции с любыми другими её участниками (например, болельщиками, поклонниками, секундантами противника, его помощниками, а также сторонниками в зале и т.п.) позволяет описывать дискурсивные практики рэп-баттла как синергийные регулятивные единицы агонально - эристической

коммуникации, раскрывающие организующую, направляющую, контролирующую, координирующую и (ауто-) корректирующую деятельность самих интерактантов по отношению друг к другу и своим собственным действиям. При этом важно понимать, что, как правило, указанная выше интенциональная направленность регулятивного воздействия успешно осуществляется в условиях контекста агонально - эристической политической дискуссии. Поэтому в предлагаемом исследовании необходимо учитывать не только событийную специфику и динамическое развитие контекста предвыборной дискуссии, но и положений о том, что

а) процесс регулятивного воздействия «социально обусловлен и является своего рода маркером употребления конкретных грамматических конструкций для осуществления воздействующего эффекта на партнера» (Романов, 2005: 122) и что

б) в агонально-эристической коммуникации регулятивность теряет степень своего жесткого воздействия и давления, потому что «существовавшие до реп-баттла социальные отношения между его участниками не играют особой роли, т.е. уже в начальной фазе состязательной диалогической интеракции социально-ролевые отношения между участниками демонстративно нивелированы самими участниками для того, чтобы они (отношения) не могли служить особым препятствием (не выступали в качестве ингибитора) острому и агрессивному процессу вербального воздействия, так как конфронтационная составляющая реп-баттла уже ингерентно заложена в семантике его функционально-семантического представления или ФСП (см.: Романов, 1988: 28-68; 2020: 44-87).

Конкретным материалом для исследования послужили **1)** видеофрагмент проведенного 5 октября 2017 года в городе Санкт-Петербург политического реп-баттла (см.: Политический реп-баттл. Полная версия, URL) и **2)** текстовая часть проведенного политического реп-баттла в виде скриптовой записи пяти раундов интерактивного обмена “боевыми регулятивами” атакующего и дефензивного порядка между участниками

вербального поединка. По причине ряда технических помех видеозаписи рэп-баттла не удалось зафиксировать точного объёма некоторых текстовых скриптов, о чём имеются соответствующие отметки в табличном материале (*примечание: из-за ограниченного объёма настоящей статьи полная версия скриптовой записи политического рэп-баттла будет представлена авторами в статье следующего номера журнала*).

Исследование осуществлялось в три этапа. На *первом этапе* был произведён перенос видеозаписи обмена вербальными действиями участников рэп-баттла в текстовые скрипты соответствующих раундов. На *втором этапе* была предпринята попытка выстроить иллокутивную структуру дискурсивного массива вербальных практик всего рэп-баттла. На *третьем этапе* осуществлялось разбиение всего тематического пространства дискурсивного образования на связанные между собой прагматической валентностью дискурсивные практики для того, чтобы в границах каждого раунда зафиксировать соответствие (или расхождение) иллокутивных параметров вербальных практик рэп-дискурса с их тематическим развитием. На этом этапе ставилась задача зафиксировать тенденцию пошагового развития иллокутивно-тематической корреляции в продвижении участников вербального состязания к намеченной цели – к победе в политическом рэп-баттле, отмечая при этом недочёты, коммуникативные рассогласования и асемантическую связность дискурсивных шагов участников рэп-баттла в процессе оппонирующего противостояния друг другу.

3. Результаты и обсуждение

В вводной части статьи было подмечено, что в современном российском обществе наблюдается запрос на поиск новых интегративных процессов, способных эффективно создавать продуктивный научно - методологический симбиоз «умных данных», полученных в результате применения современных IT- технологий в различных сферах жизнедеятельности человека, и собранных в гуманитарной сфере бытования

человека «*комплексных* или *сложных данных*» о практиках их использования в социуме, позволяющих не только “психографически” моделировать типовую личность участника коммуникативного взаимодействия в социуме (*homo socialis*), но и прогнозировать его типовое поведение в обширной среде своего обитания или его типовые «прыжки к выводам», в терминологии П. Кечкемети (Kecskemeti, 1952: 111-119), т.е. рассчитывать и моделировать типовые формы обратной связи, которые могут порождаться современным человеком (*homo socialis*) в процессе принятия им решений для осуществления своих реактивных (ответных) действий на определенные стимулы различного порядка и вызовы времени.

Политическая сфера деятельности человека является в той или иной степени неотъемлемой частью его жизнедеятельности в социуме. Вполне логично предположить, что поведение человека в политической сфере не носит существенных отличий от его поведения в обыденной жизни, по крайней мере, при порождении ответных или реактивных действий на те или иные процессы в обществе. Но, если учитывать, что поведение человека вытекает из личности, а передаваемые ему другим человеком кванты информации в виде посланий (текстов, дискурсов, высказываний / предложений) не переходят автоматически в элементы его поведения (ср.: Романов, 1988; 1995; 2020; Романов, Романова, 2018; 2019; 2019а; 2020; 2020б; 2006; Романов, Ходырев, 2001), то становится объяснимым и понятным настойчивое стремление политтехнологов вести интенсивные поиски разнообразных социополитических приёмов и техник для выдвижения новых и перспективных кандидатов в претенденты на конкретный выборный пост. Одновременно при этом политтехнологи не теряют интерес к привычным, привычным и проверенным временем технологиям “ручного” подбора и последующего “отбора” перспективных кандидатов, чтобы поэтапно планировать и постепенно осуществлять эффективный сбор подписей для выдвижения, регистрации, проверки и обработки полученных в ходе этих процессов данных. Вместе с тем вызовы

времени и запросы общества обуславливают понимание нужности и необходимости концентрировать внимание и усилия на реализации «экспериментальных шагов» (Клакхон, 1998: 321) по поиску и апробации новых гибридных технологий и приёмов, которые по своей проективно-прогностической эффективности могли бы равняться или даже превосходить уже известные и испытанные методы и техники работы с кругом потенциальных избирателей и их лидерами.

По расчетам политтехнологов новые гибридные технологии должны не просто обеспечивать прогностический уровень (т.е. уровень, соответствующий плановым ожиданиям на положительный результат выборов) поведения субъекта, претендующего на роли лидера (или субъектов-лидеров) в типовых сценариях предвыборной («боевой») коммуникации (подробнее о поведении лидера см.: Романов, 1995а: 9-66, 137-172; Романов, Ходырев, 2000: 39-137; 2001: 32-65; Романов, Черепанова, 1998: 7-121). При этом новые гибридные технологии должны быть к тому же привлекательными и притягательными (аттрактивными) для молодёжного сектора потенциальных избирателей. Не менее важной и значимой, с точки зрения предвыборной технологической апробации, является цель предварительной «обкатки» в молодёжной среде новых и популярных для неё интегративных технологий, которые могут способствовать поиску в молодёжной политической среде достойных и поддерживаемых обществом политиков - кандидатов, чьи победы в ходе избирательных кампаний не вызвали бы резких возражений и бурных протестов общественности, а реально коррелировали бы с общественным мнением, оценками и публичным признанием выдвинутых на лидирующие позиции кандидатов.

По всей вероятности, обозначенные обстоятельства стали первопричиной, побудившей политтехнологов обратить внимание на молодёжный спектр электората, который в сфере общественной жизни общества всегда занимает особо активную позицию, потому что к крайне заорганизованным выборным мероприятиям, достаточно мобилен, хорошо

структурирован и хорошо технически оснащён сетевым инструментарием для оперативной связи, а главное – остро реагирует на социальную несправедливость, воспринимая даже незначительные упущения и небрежности в принятии решений относительно базовых для молодёжи принципов, положений и перспектив на социальный рост в жизни. Особо эмоционально молодёжный сектор реагирует на декларативный (т.е. реально неподкреплённый репутационными делами) характер различных политических заявлений, обещаний, постановок задач, посулов и заигрываний с электоральной средой. Поэтому представляется закономерным, что политтехнологический выбор пал на жанр открытой и бескомпромиссной состязательности в виде интегративного рэп-баттла как очень популярного среди молодёжи жанра “боевого” противостояния, нацеленного на честное и открытое выяснение отношений между участниками вербального баттла, по окончании которого одобрённым большинством присутствующих определяется победитель и публично выносятся окончательный вердикт: прав – неправ, популярен – непопулярен, достоин – недостоин, выиграл – проиграл, подходит – не подходит, выберем – не выберем и т.п.

Специфика санкт-петербургского политического “боевого” противоборства в жанре рэп-баттла заключалась среди всего перечисленного в том, что накануне важнейшего политического события – выборы Президента РФ-2018 – нужно было иметь представление о том, на чьей политической стороне окажутся симпатии молодёжного сектора и в какой прогностической пропорции? Нет сомнения, что в этом направлении можно и нужно было проводить среди молодых жителей города различные социологические опросы, всевозможные анкетирования или вести интенсивную работу в различных фокус-группах и т.п. Однако, политтехнологи выбрали иной путь, решив провести популярный в молодёжной среде политический рэп-баттл в виде эристического состязания среди молодых политиков, форма которого не была связана напрямую с

предстоящими политическими выборами. А в случае появления в городе критики, возражений или претензий со стороны других “политических игроков”, всегда можно сказать, что выбор молодых участников этого состязания, представляющих два наиболее популярные в городе политические течения «яблочников» и «единороссов», вполне мог оказаться случайным или спонтанным. Тем более, что один из участников словесной баталии был беспартийным. Поэтому выбор такой формы политического соперничества мог быть объективно оправдан тем, что в последние годы в городе Санкт-Петербург, если судить по данным различных выборных кампаний, наблюдалась активная политическая борьба за электорат между двумя популярными в политической жизни города лагерями – между представителями правящей в стране партии «Единая Россия» и представителями оппозиционного блока политических сил во главе с партией «Яблоко» и «Партией Роста». Напомним ещё раз о том, что в вербальном рэп-поединке оппозиционный лагерь представлял беспартийный депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Максим Резник, а представителем от правящей партии был также действующий депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Андрей Анохин.

В формате настоящей статьи нет особой необходимости подробно разбирать хорошо известные и ставшие уже “хрестоматийными” сведения о развитии и становлении вербального рэп-жанра в мире и в нашей стране. Нецелесообразно также здесь анализировать его музыкальные разновидности и течения, которые хорошо освещены в специальной литературе. Добавим, что в разделе «Цитированная литература» настоящей статьи заинтересованный читатель может составить об этом феномене собственное мнение, ознакомившись подробно с рядом ссылок на эту тему. Кроме того, особенности интегративного воздействия на массового адресата вербально - музыкального коммуникативного произведения как мелодийной дискурсии в виде практики духовного песнопения отражены в монографической публикации (Романов, Ульянич, 2014).

Тем не менее, для того, чтобы понимать преимущества новых форм проведения предвыборных кампаний и применения вербально - коммуникативных и иных других современных средств воздействия на массового избирателя, необходимо уже на первом этапе исследования выявить организационно-структурную специфику вербально-интегративного единства политического рэп-баттла как конструктивной совокупности дискурсивных практик, синергично и прагматически объединенных говорящим / -ми субъектом / -ми вокруг иллокутивной доминанты коммуникативного конструкта, известного сегодня в молодёжной среде как «рэп-баттл» (Романов, 1988; 2002; 2020). Для реализации этой задачи важно в первую очередь понять роль семантического комплексного компонента, репрезентируемого лексемой «рэп» в конструктивном образовании «рэп-баттл», и обозначить те лексикографические дефиниции, которые характеризуют семантическую и функциональную сущности структурной составляющей упомянутой лексики «рэп» в интегративном коммуникативном конструкте «политический рэп-баттл». Семантические свойства (признаки, семы), которые могут быть выделены при анализе лексикографических дефиниций лексики «рэп», позволят в некотором приближении выявить основные гиперонимические (сквозные) признаки семантической структуры конструктивного элемента «рэп», образующего модусно-модульную рамку всего конструкта «политический рэп-баттл». Если представить этот коммуникативный конструкт в виде формальной записи $p(S)$, то в нём форманта “р” обозначает функционально-семантическое содержание манифестационно-обёрточной роли рифмо - ритмического оформления феномена «рэп», а символ “S” объединяет в себе иллокутивно-прагматический и семантико-тематический комплексы предметных областей вербальных действий-практик участников «политического рэп-«баттла».

Для осуществления сравнительного анализа обратимся к дефинициям лексики-маркера «рэп» из трёх словарей, в которых содержание дефиниций позволит сформировать и раскрыть её семантическую структуру:

– «рэп –а, м. [англ. rap - слегка ударять] 1. Декламация, речитативное исполнение стихов под ритмическую музыку. Читать рэп. Исполнять рэп на чьи-л. стихи. 2. Танец под такую музыку. Танцевать рэп. неизм. в зн. прил. Стиль рэп. Танец рэп» (Большой толковый словарь русского языка, 2000: 1137),

– «рэп – разновидность популярной американской музыки, основанная темнокожим населением, которая подразумевает быстрое ритмичное произнесение слов на фоне инструментальной музыки» (Oxford Dictionary, URL),

– «рэп – стиль музыки, в котором слова не поются, а зачитываются быстрым, ритмичным способом» (Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD, 2006: 569).

Выделенные дефиниционные признаки или семы позволяют очертить у лексемы «рэп» наиболее значимые функционально-семантические параметры, присущие лексеме «рэп». К их числу следует отнести базовую или ядерную сему (признак) «речитативной декламации» и последующие периферийные признаки (семы), которые в той или иной форме зафиксированы в словарных дефинициях, а именно:

– **а)** речитативная декламация есть чтение вербальных рифмованных конструкций,

– **б)** речитативная декламация обладает динамикой и ритмикой выразительного чтения,

– **в)** речитативная декламация осуществляется в особой форме под заданный ритм.

Алфавитный порядок перечисления сем не означает их иерархическую соотнесённость по отношению друг к другу, т.е. сема (**а**) не является в семантическом или функциональном плане важнее или информативнее по сравнению с обозначенной символом (**в**) семой.

Проведённое сравнение словарных дефиниций лексемы «рэп» позволяет определить её семантическую структуру значения, в которой

отражена содержательная сущность самой лексемы «рэп» как языковой единицы, означающей интегративно амальгамированный процесс «речитативного и динамичного использования рифмованной формы для осуществления интонационно окрашенной декламации (чтения, читки) вербально-конструктивных образований (текстов, дискурсов, практик). Следует также добавить, что «процесс реализации рифмованной формы говорящим субъектом осуществляется в определенном темпе и стиле». Полезно отметить, что используемая лексема «рэп» происходит от английского слова “rap”, “rapping” в значении “стук”, “удар”. Кроме того, упомянутая лексема «рэп» обладает также акциональным (глагольным) значением “стрекотать”, “болтать”.

Представляется необходимым подчеркнуть, что в структуре значения лексемы «рэп» выделяется полифункциональное конструкто-образующее свойство “локутивность” (от лат. *locutio* – “говорение”, “речь”, “разговор”, “беседа”, “произношение”), которое «определяет характер вида акционального признака, а именно: какое действие выполняет говорящий субъект, являясь одновременно самим источником этого действия, которому он как субъект (источник, каузатор) задаёт (придаёт) направленность – на кого это действие может быть направлено или кому оно может быть адресовано и с какой целью. <... > Поэтому сема “ритмичного речевого говорения – ритмичной речевой стрекотни / болтовни” соотносит лексему “ритмично болтать / стрекотать” с классом лексических единиц речевой деятельности, для которых в акте говорения обязательно наличие говорящего субъекта и слушающего. Обладая признаком каузативности (т.е. вербальной причинности побуждающего воздействия) – «побуждающее говорение». Сема «побуждающее говорение» в акциональной каузации или побуждающей “ритмичной болтовни / говорения / стрекотания” в семантической структуре лексемы «рэп» способна репрезентировать каузацию особого рода – речевую каузацию в виде конкретного речевого

действия, направленного субъектом на решение определенной коммуникативной задачи (Романов, 2005: 59-61).

В контексте данного обсуждения важно уточнить некоторые семантические нюансы, касающиеся упомянутого свойства “ритмичного речевого говорения”. В словаре С.И. Ожегова (1999: 678-679) приведены около пяти лексем с корневой основой «ритм», а именно – лексема «**ритм**» в значении 1) «равномерное чередование каких-н. элементов (в звучании, в движении) и 2) в переносном значении «налаженный ход чего-н., размеренность в протекании чего-н.; прил.: *ритмический* и *ритменный*, а также лексема «**ритмика**» в значении 1) система, характер ритма (*Р. Стиха*), 2) учение о ритме (в музыке, стихосложении) и 3) ритмические движения с музыкальным сопровождением (*Урок ритмика*). Две следующие лексеммы относятся к разряду прилагательных: «**ритмический**» в значении 1) см. ритм и 2) то же, что ритмичный (*Ритмическая гимнастика*) и «**ритмичный**» – 1) подчиненный ритму (в 1 знач.), равномерно чередующийся (*Ритмичные движения*), 2) *перен.*: равномерный, налаженный, размеренный (*Ритмичная работа*) || *сущ.* «**ритмичность**». Также зафиксирована глагольная лексема, подразделенная на два варианта: «**ритмизировать**» и «**ритмизовать**» в значении «сделать (делать) ритмичным» (*Ритмизованные движения*) || *сущ.* «**ритмизация**».

В зафиксированном выше многообразии данных о комплексном значении лексеммы «ритм» важно отметить, что данная лексема имеет греческое происхождение: греческое слово “*rhythmós*” берёт своё начало от глагольной формы “*rhéo*” (“теку”) и обозначает воспринимаемую форму протекания во времени и пространстве каких-либо процессов, например: стихосложения, исполнения ритуальных и иных танцев, музыкальных произведений, песнопения и т.п., понятийное основание которых не обязательно обуславливается прямой (правильной) повторяемостью, а соединяется с невыразимым и труднообъяснимым ощущением «чувства жизненного пульса времени», реализуемым «захватывающей силой

устремления вперед». Захватывающая сила «правильной повторяемости» есть, по словам В.В. Маяковского (1959; URL), «основная сила, основная энергия стиха. Объяснить его нельзя».

Впрочем, как образно замечает В.В. Вейдле, «ритму нелегко обойтись без метра. Циркуль был нужен тем, кто строил Парфенон. Но прямых линий (совсем прямых) в нём все-таки нет, да и назывался циркуль у греков «вышагивателем» или «раком»: в самых гладких и трезвых именах таится музыка их возникновения. Отчего музыка? Оттого что там, где рассудка мало, чтобы выйти из сумбура, там нужна она, там прислушиваются к музыке. К музыке звука или к музыке смысла, или к обеим. ... Смыслы передаются и вне систем, да и без слов (жестами, например); сквозь эти смыслы, а жестами («дейксис») и помимо смыслов, могут передаваться и (элементарные) предметные значения» (Вейдле, 2002: 77-78).

Уместно подчеркнуть, что попытки «найти метр» и «вышагиватель» для возможного замера ритма как «силы энергетического воздействия высказанного слова», предпринимались многими исследователями (ср., в частности: Харлан, 1975), в том числе и авторами настоящей статьи в целом ряде работ (например, см.: Романов, Черепанова, 1998: 187-195; Романов, Черепанова, 1999: 60-87, 101-107; Романов, Романова, Воеводкин, 2000: 60-69, 80-98; Романов, Немец, 2006: 94-107; Романов, Романова, Федосеева, 2013: 173-189, 235-240; Романов, Ульянич, 2014: 124-136). В развитие исследуемой тематики представляется целесообразным осуществить ряд фрагментарных замеров «силового воздействия» боевых дискурсивных рэп-практик в последующих статьях авторов. Кстати заметим, что в настоящий момент имеются материалы проведенного в 2018 году политического рэп-баттла между двумя участницами, которые активно проявили себя в «феминном» политическом рэп-баттле, посвященном предвыборной ситуации в марте 2018 года в Российской Федерации. В этой связи значительный интерес представляет проведение «замеров» при помощи автоматизированной программы экспертизы текстов «Диатон», позволяющей

анализировать «силу энергетического воздействия» задействованных в интерактивном обмене дискурсивных практик, реализованных в мужском и женском рэп-баттлах. Особый интерес вызывает сравнительный анализ структурно - содержательных и тематико-прагматических параметров феминного и маскулинного рэп-баттлов. Вместе с тем, следует помнить, что ритмическая составляющая «политического рэп-баттла осталась несколько в стороне и к ней следует ещё вернуться при обсуждении стилевой манеры чтения рэп и внешних условий её оценки у публики.

Поэтому возвращаясь к структуре значения лексемы «рэп», нужно обратить внимание на минимальный семантический признак «каузативной (побудительной, воздействующей) ритмичности» (Романов, 2005: 59-62) не как о **а)** системном свойстве, характеризующим новый стиль манеры преподнесения публике неизвестной в политической коммуникации вербальной формы, а как о **б)** признаке «присутствия ритмичности процесса речевого порождения» (Ожегов, 1999: 679) эристических действий репером. . Однако дело осложняется тем, что лексема «рэп» в структуре комплексного образования «политический рэп-баттл» включает в себя оба указанных признака. Причем, активируя в контексте реализации функциональных условий эристической коммуникации признак **б)**, говорящий рэпер одновременно запускает ещё один дополнительный признак «каузативной (воздействующей) ритмичности», направленный на побуждение своего соперника следовать ритму чередующихся действий по принципу «Я говорю – Ты молчишь», «Ты говоришь – Я молчу и даю тебе высказаться» (см.: Романов, 1988; 2020). В этом плане становится понятно, что выделенный семантический признак «каузативной ритмичности» обладает дуплексным семантическим основанием, которое, с одной стороны, направлено на публичное репрезентирование рэп-манеры своего стилевого – рифмованного – изложения содержания узлов сочленения дискурсивных практик в виде «равномерного чередования созвучия концов стихотворных строк» (см. определение лексемы «рифма» в: Ожегов, 1999: 679), а с другой стороны, это

основание аккумулирует через ритмическую речь все связи обмена “боевыми” вербальными действиями участников эристического противостояния, объединяет их функционально, семантически и прагматически в единый коммуникативный конструкт «политический рэп-баттл» и таким образом выводит (предъявляет) свои смыслы во внешний мир публичного пространства зрителям на всеобщее обозрение и оценку.

«Передача во внешний мир смыслов» значима для коммуникативного обмена вербальными и авербальными действиями участников рэп-баттла, так как «главная функция надязыковой, как и внеязыковой (по - своему пользующейся языком) речи – смысловая, сигнитивность вообще отстраняющая, значениями вообще не интересующаяся или отодвигающая их на задний план. Там, где она внеязыковая, она и вовсе бессловесная. Функция эта зовется в просторечии искусством» (Вейдле, 2002: 77) или техникой чтения рэп. Из этого следует, что смыслы дискурсивных практик рэп-баттла в агонально-эристической коммуникации заранее готовятся авторами, и, в первую очередь, целенаправленно отсылаются в ходе “боя” массовому адресату с тем, чтобы зритель по достоинству оценил их тематико-смысловую нагрузку, точность нокаутирующих для соперника вербальных практик-выпадов или «панчей»: от англ. *“punch”* – хлесткий, воздействующий на публику “удар”, наносящий ущерб сопернику, колкий, уничижительный выпад в сторону соперника. Хлесткость атакующих или дефензивных (т.е. равнозначных по колкости ответных) практик должна быть неожиданной, образной, ритмичной и актуальной по содержанию и эмоциональному накалу. Именно за “нокаутирующую” хлесткость вербальных рэп-практик присутствующая публика (массовый адресат) оценивает восторженным одобрением и благосклонной поддержкой действия репера-панчера, так как чаще всего такие словесные выпады-удары позволяют атакующему панчеру сбить противника с боевого настроения и рэп-ритма, отвечать невпопад на атакующие выпады своего противника и, главное, лишать его возможности продолжать дальше успешный бой. Учет

интересов публики не означает, однако, что атакующего репера не интересуется вербальное поведение своего соперника, который помимо своей заинтересованности получить поддержку от публики решает в процессе отражения панч-атак должен решать тактические задачи по обработке смыслового содержания направленных в его адрес репликовых выпадов, одновременно демонстрируя массовому зрителю уверенность в своих ответных действиях и заряженность на победу.

Возвращаясь к лексикографическому описанию обсуждаемой на этом этапе исследования конструкто-образующей лексемы «рэп», важно иметь в виду, что в ряде лексикографических описаний отмечено синтаксическое свойство лексемы «рэп», которое может реализовывать синтаксическую функцию определения в её неизменяемой форме. Такое дополнение в виде словарной пометы к дефиниции лексемы «рэп» позволяет считать, что данная лексема в конструктивном сочетании понятийного комплекса «рэп-баттл» (см. выше схему) выступает в качестве определяющей части по отношению к определяемой части, представленной в конструктивной схеме лексемой «баттл». Сказанное позволяет заключить, что семантика лексемы «рэп» в виде выделенного набора перечисленных признаков-сем содержительно связана с семантикой и каузативной направленностью “боевых” или “батальных” действий каждого из участников вербального поединка.

Опираясь на установленную семантическую взаимозависимость структурно-образующих частей коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл», нельзя не признать, что характер манифестационно - антуражного – то есть боевого в прагматическом смысле – формата был продемонстрирован в процессе обмена батальными действиями между соперниками. Была также зафиксирована бескомпромиссная и ориентированная на победу заряженность (нацеленность) их “боевых” вербальных действий относительно друг друга, семантический объём которых был детерминирован (“окрашен”) набором семантических признаков лексемы «рэп». Поэтому выбранный формат

эристического – боевого – взаимодействия (ср. требование «эристической логики вести спор таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть всеми правдами и неправдами») отражает действительным образом прагматический характер бескомпромиссной борьбы-дуэли на словах в той мере, насколько семантический объём его “боевого” взаимодействия позволит конгруировать (соотнести, увязывать) такие действия-выстрелы с их функционально-прагматической таргетированностью и иллокутивно - тематическими сферами используемых соперниками дискурсивных практик в пределах всего батального комплекса под названием бескомпромиссный «политический рэп-баттл». При этом иллокутивно - семантическая сфера (основа) и прагматическая специфика воздействующего потенциала отдельных речевых действий каждого из участников – как, впрочем, и действий-практик всего интерактивного комплекса «рэп-баттла» в целом – не могут полностью блокироваться семантикой лексемы «рэп».

Учитывая представленные обстоятельства относительно семантического объёма лексемы «рэп», предоставляется возможным несколько расширить трактовку объёма содержания конструктивного словосочетания «рэп-баттл» следующим уточнением: «рэп-баттл» представляет собой «комплексное вербальное сочетание боевого / состязательного взаимодействия рифмованными конструкциями, осуществляемого говорящими субъектами в согласованном между собой ритме, стиле, темпе и теме». Не покажется также излишним дополнить, что семантика определяющей лексемы «рэп» в конструктивном словосочетании «рэп-баттл» не блокирует (не отрицает) и не обуславливает ничем возможности фонового музыкального сопровождения дискурсивных практик политического рэп-баттла. Напротив, семантическая специфика лексемы «рэп» допускает их “боевую” реализацию даже в вокальном исполнении.

“Боевая” реализация рифмованных действий в процессе рэп-читки рассматривается и воспринимается в соответствии с ритмикой чтения в виде резких и «едких выпадов» рэпера в адрес оппонента, чтобы

«продемонстрировать свое превосходство над оппонентом» (Козуров, URL). Другими словами, речитативное “боевое” чтение (читка) говорящим субъектом, именуемым баттл-рэпером (также – рэпером, чтецом, MC), допускает «музыкально - поэтическое» («певучее», «напевное») сопровождение процесса читки рэпером как дополнительное «звуковое приращение, происходящее от хорошей акустики» (Мандельштам, 1987: 49), интонации и эмоционального переживания. В этом смысле чтец-рэпер подобен декламатору-поэту или «музыканту, который нацелен на аудиторию и «озабочен вычислением пропорции «коробки» – психики слушателя». В зависимости от этих пропорций – «удар смычка получает или царственную полноту, или звучит убого и неуверенно». Этот расчет Мандельштам называет «магией» (Мандельштам, 1987: 49). Процесс «вычисления пропорции «коробки – психики слушателя», т.е. и слушателя-соперника, и слушателя-наблюдателя, выступающего не только в роли случайного зрителя, но и зрителя, определяющего победителя в поединке, крайне важен для чтеца. устремленного к победе.

Представляется, что выбранная соперниками форма взаимодействия в виде публичного диалогического обмена “боевыми ударами” уместна как никакая другая форма для того, чтобы каузативно «толкнуть» каждого из противоборствующих участников в «объятия» своего соперника-собеседника с целью не только одержать победу в поединке, а ещё и реализовать своё желание и установку удивить себя самого, удивить собеседника-соперника и удивить публичного зрителя. Уместно вновь обратиться к словам замечательного поэта и знатока воздействующей мощи поэтической строки, который отмечал: «Нет лирики без диалога. А единственное, что толкает нас в объятия собеседника, – это желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью. Логика неумолима. Если я знаю того, с кем я говорю, – я знаю наперед, как он отнесется к тому, что я скажу – что бы я ни сказал, а следовательно, мне не удастся изумиться его изумлением. ... Я позволю себе формулировать это наблюдение так: вкус

сообщительности обратно пропорционален нашему реальному знанию о собеседнике, и прямо пропорционален стремлению заинтересовать его собой» (Мандельштам, 1987: 53).

Очевидно, что используемая в политтехнологических целях рэп-форма, в рамках которой осуществляется бескомпромиссный диалогический обмен вербальными “боевыми ударами”, в наиболее оптимальной форме отражает “боевой” эмоциональный настрой соперников и их интересы – одержать победу в конкретном баттле. В действительности оказывается, что используемая в таком словесном противостоянии форма “рэп-чтения” может и выражать, и раскрывать установки каждого участника рэп-баттла, его информационная подготовленность к боевому столкновению, его знания относительно темы баттла, позиции и настроения соперника, а также отношения массового адресата к обсуждаемым в тематическом пространстве проблемам. Использование рэп-стиля в политической дискурсии способствует не в меньшей степени формированию образа кандидата-победителя, владеющего приемами вербального убеждения в непростых условиях эмоционального накала борьбы, готового самому получать удовольствие («поймать кураж») от общения с массовой аудиторией и передавать ей эмоциональный накал, включающий в себя накал удивления, восхищения, искушения и заряженности на положительный результат. А главное – заряженность на поддержку чтеца - победителя и готовность коллективного зрителя подключиться к его борьбе с теми проблемами, о которых убедительно, эмоционально и по-реперски “музыкально” говорил рэпер-чтец.

Относительно музыкального, в терминологии О. Мандельштама (1987: 53-54), «самостоятельно приходящего акустического» фона, который в ритмо - поэтической “словесной музыкальности” обрамляет вербальный политический рэп-баттл, следует отметить, что, согласно мнению целого ряда представителей разных областей знаний – музыковедов и филологов, этнографов и фольклористов, педагогов и психологов, *речь* и *музыка* суть **наиболее важные формы** человеческого общения (см.: Джалагания, 2001:

130; Карлсон, 2002; Романов, Ульянич, 2014). Вероятнее всего, этим фактом можно объяснить неизменное – пусть и явно невыраженное в эксплицитной форме – присутствие музыкальной темы (музыкального “сюжета”, “нотного ряда”) в вербальном звучании дискурсивных рэп-практик. Музыкальность речи – а в поэтической речи музыкальность проявляется особым образом через ритмику – уже имплицитно запрограммирована (заложена) в специфике стилового оформления самих дискурсивных рэп-практик. Через поэтическую ритмическую речь «внутренняя музыка» становится «внешней» (Вейдле, 2002: 72), т.е. приобретает свойство коммуникативности и становится в ряд вербальных знаков. Музыкальность отражается в ритмичности их чтения и в «самостоятельно приходящей акустичности» (интонационного фона) такого чтения (произнесения, декламации). Музыкальность выражает собой суть исполнения (звучания «ритмико-мелодической структуры», по В.В. Вейдле) рэп-практик как составляющих элементов или «смысловых кирпичиков» (значимых конститuentов) политического рэп-баттла, независимо от того, сопровождается ли стиль рэп-чтения музыкальным сопровождением или песнопением в стиле рэп.

Но даже при всей инкорпорированности «смысловых кирпичиков» в музыкально-акустический фон процесса рэп-чтения исполнитель может предпочесть уже готовые рифмованные шаблоны, построенные в виде «грибоедовской или тютчевской строчки» (Вейдле, 2002: 54), и увлечься «игрой в стихи», поскольку стоит напомнить, что рэп-баттл – это состязание двух участников (рэперов), которые по очереди читают рифмованные строчки без музыки. Рэпер также может акцентировать сверх меры всё своё внимание на стихотворной форме и «обойтись» без музыкально-акустического фона или просто «не замечать» его, посчитав, что «голос музыки-смысла растворяется» в ритмическом массиве разнонаправленных в иллюкутивном плане дискурсивных рэп-практиках подобно «одинокому голосу в хоре, в котором он растворяется, тонет». В этом случае может возникнуть опасность, что «звуковая (в смысле звучания), ритмико-

мелодическая и даже смысловая структура упраздняется или обедняется при такой игре» (Вейдле, 2002: 54-55). Другими словами, увлекаясь шаблонной рифмованной формой рэп-чтения, т.е. увлекаясь стихотворной формой, или, по выражению В.В. Вейдле, «игрой стихами», рэпер рискует в процессе обмена вербальными “боевыми” практиками «потерять полноту смысла» своих дискурсивных рэп-практик. Он (смысл) испаряется из них. И тогда «смысл, испаряющийся, связан со структурой (формальной и смысловой) всего произведения в целом, но сам он не структурирован, бесструктурен, никаким структурным или формальным анализом не уловлен» (Вейдле, 2002: 54).

В этой связи большое значение приобретает поиск параметров сходства и различия между наиболее важными формами человеческого общения – *речью* и *её музыкой* или *музыкой речи*, чтобы не только выявить их влияние друг на друга», но и раскрыть источник обусловленности их влияния на результативность каузированного (побуждающего) воздействия как на соперника, так и на массового зрителя. Решение этой задачи предполагает вычленение и учёт характерных для выбранной задачи компонентов, связанных, в первую очередь, с «интонацией как основой знаковости и коммуникативности, каждый из которых очень сложен и в свою очередь может быть разложен на составляющие» (см.: Джалагония, 2001: 130-131).

Отметим в первую очередь, что интонация задаёт музыкально - акустический фон как всего рэп-баттла в целом, так и его отдельных дискурсивных практик. Она представляет собой «одну из основных характеристик речи и музыки» или в нашем случае – музыкального интонирования речи (рече - музыки, «смысла - музыки», музыкальной интонации чтения / читки в стиле рэп). Следовательно, интонация тесно связана с рифмо - ритмическим обрамлением (“рисунком”) вербальных действий рэп-баттла как состязательного противоборства участников вербального обмена. Обладая большой пенетративной способностью (от лат.: “*penetro*” – “проникать”, “достигать”, “вторгаться”, “производить

впечатление”; см. Подосинов, 1999: 235), интонационный (музыкально-акустический) фон реализации таргетированных практик политического рэп-баттла может раскрывать в обмене дискурсивными рэп-практиками следующие характерные для него параметры (также: признаки, факторы):

а) звуковысотную кривую («мелодия» речи),
б) изменение динамики и тембра во времени рэп-чтения,
в) ритмику, проявляющую себя в длительности и соотношении элементов речи (и особенно – поэтической речи), а также

г) темп, который в своей совокупности с перечисленными параметрами от *а)* до *в)* и с каждым в отдельности выступают в качестве базовой основы формирования «смысловых кирпичиков» мелодичности (или “музыки”) речевых (дискурсивных) практики, передавая «все бесконечное множество эмоциональных движений» и настроений, инкорпорированных в дискурсивные практики политического рэп-баттла. В качестве «звуковой модели эмоций интонация структурно подобна таким психофизиологическим реакциям человека, как нервно - мышечное напряжение, эмоциональные фазы подъема, кульминации и спада» (Джалагония, 2001: 131).

Как в своей совокупности, так и каждый в отдельности перечисленные параметры интонационного фона (интонации) участвуют в

1) лимнологической дискретизации самостоятельных в функционально-семантическом, лингвопрагматическом и когнитивном аспектах вербальных практик (действий) политической дискурсии;

2) реализации регулятивно-меметических свойств дискурсивных практик агонально-эристической коммуникации для того, чтобы, например:

2.1) активно и эмоционально фокусировать и направлять внимание адресата на решение поставленных задач в пользу говорящего-инициатора,

2.2) формировать эмоционально окрашенные контексты, способствующие проникновению вирусных идей в концентриальную сферу собеседника, блокирующих или сдерживающих (ингибирующих) принятие рациональных решений и наоборот,

2.3) разрабатывать и внедрять коммуникативные конструкты “туннельного взаимодействия”, направленные на расширение или сужение оценочной шкалы «окна дискурса»,

2.4) эксплицитно демонстрировать реакцию на выявленную (объективную, преднамеренную, запланированную, неожиданную по сценарию / спонтанную, манипулятивную) смену смысловой ритмичности в дискурсивном взаимодействии,

2.5) маркировать отклонения собеседников от заявленной и согласованной тематики публичного обсуждения и т.п.;

3) моделировать вербальные приёмы защиты и коммуникативной профилактики от смыслового и эмоционального давления дискурсивными практиками «острой силы», «жесткой силы» и «мягкой силы» для типовых сценариев коммуникативного взаимодействия в публичном пространстве;

4) формировании коммуникативных условий, препятствующих созданию для собеседника ситуаций когнитивной напряжённости, связанных с целенаправленной деструкцией его когнитивных и смысловых ценностей, социальных ожиданий, планов, разрушения личностной идентичности, репутационного капитала и ценностно-смысловую предназначенность порождаемого дискурса;

5) разработке механизма коммуникативного контроля за смысловой ритмичностью и допустимых параметров её отклонения от доминантного иллюкутивного потенциала совокупности дискурсивных практик.

В описании общей функциональной характеристики музыкально - акустического фонового пространства, в пределах которого осуществляется прагматическая реализация целостного интегративного конструкта «политический рэп-баттл», трудно обойти вниманием смысловой фактор рифмо - ритмического “рисунка” внешней и внутренней связности интегративного единства дискурсивных практик рэп-баттла, чей ритм и темп – как это было показано выше – задаётся динамикой их вербального «обёртывания» (термин Д. Болинджера), характером «погружения агрессивно-

атакующих и дефензивно-ответных дискурсивных практик в прагмасемантический каркас рэп-баттла и его функционально-тематическое поле. При этом будем иметь в виду, что словосочетание «рифмо-ритмический “рисунок”» представляет собой сложное соединение, образованное из двух составляющих его частей: из лексемы «рифма» в значении «созвучия концов стихотворных строк; *прил.* – рифменный» и лексемы «ритм», значение которого представлено в пяти лексемах (см. об этом выше; см. также: Ожегов, 1999: 678-679). Любопытно, что значение лексемы «рифма» обладает словарной пометой, раскрывающей гендерные особенности репрезентации «созвучия концов стихотворных строк», в котором «ударение на последнем слоге стиха именуется мужской рифмой, а ударение на предпоследнем слоге свидетельствует о женской рифме» (Ожегов, 1999: 679).

Рифмо-ритмический “рисунок” (также – строй, организация) отдельных дискурсивных рэп-практик и всего коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл» задаёт не только череду раундового обмена дискурсивными практиками-ударами, но и его (обмена) эмоциональную окраску или «цвет мысли» участников вербального состязания, по А. Белому (1991: 12-15). В баттловых противостояниях рифмо-ритмический “рисунок” помогает участникам-реперам достигать либо **1)** гармонической прозрачности и ясности между собой, а также каждому в отдельности с массовой аудиторией присутствующих, а при видеозаписи и её тиражированном распространении – со зрителями при просмотре, либо **2)** остро выраженной экспрессии, выплескиваемой друг на друга и косвенно на массовую аудиторию в поисках поддержки, сочувствия, подбадривающих возгласов и т.п. В любом из перечисленных случаев рифмо - ритмическая организация рассматриваемого в работе вербального состязания ориентирована на эмоциональное сопровождение подачи смыслового объёма ударных рэп-практик («панчей») зрителям, чтобы в виде обратной связи, выраженной гулом одобрения, свистом, аплодисментами, скандированием имени собственного одного из участников, политическими речёвками и т.п., сверить оценочный

настрой аудитории или – при необходимости – внести корректировку в свои действия.

Кроме того, рифмо-ритмический “рисунок” крайне важен для создания между участниками поединка и зрителями «общего поля эмоционального напряжения», которое живо реагирует не только на семантически фактор дискурсивных рэп-практик, но и чутко откликается на качество «созвучия концов стихотворных строк», по С.И. Ожегову, или мандельштамовскую «ритмо - поэтическую “словесную музыкальность”», именуемые на “языке” рэперов – рифмами. Как отмечают “знатоки” рэперского искусства и баттловых традиций, участники рэп-баттлов очень долго и тщательно «работают над рифмами» (Козуров, URL). По этой причине им приходится долго готовиться к вербальным сражениям и даже заучивать свои тексты либо целиком, либо существенными фрагментами из него. По заверениям корреспондентов различных изданий, промахи в «созвучии рифмованных концов стихотворных строк» (Ожегов, 1999: 679) могут “дорого” стоить чтецам рэп-баттла (см.: Версус баттл, URL; Козуров, URL; Лаптева, URL; Русский рэп, URL; Рэп музыка, URL). Дело в том, что удачная рифма считается признаком класса рэпера-чтеца. Используемые чтецом-рэпером «двойные рифмы», например, такие как

*«Ярость, как у зеленого великана, **временами дремлет,***

*Но наша пара – как будто вошел в дельфинарий **Цербер**»*

или «тройные рифмы», в частности –

*«Все, о чем ты слышан, **правильно, вроде, да только***

*Твой Лондон ограничен **папиным полем для гольфа**»* (Козуров, URL), оцениваются публикой, судьями, да и самими участниками вербального противостояния очень высоко и профессионально. Иногда рифмы могут оцениваться по параметру «силы». Так, двойная рифма будет, например, «сильнее простой, обыкновенной рифмы», в которой строки рифмуются только на последний слог: «рэп – хлеб». Такая рифма называется «квадратной».

Не стоит, однако, думать, что в формировании рифмо-ритмического “рисунка” самих дискурсивных практик и всего целого коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл» не принимают участия обыкновенные, простые рифмы типа «рэп – хлеб». Напомним, что «двойные рифмы сложнее: в них совпадают не только ударная гласная, но и несколько безударных. А если согласные тоже совпадают, то совсем хорошо». Сравните, например: «Власти на поминках – Пласидо Доминго (Версус баттл, URL)..

Очевидно, что качество создаваемого чтецами рэпа рифмо - ритмического “рисунка” коммуникативного конструкта, именуемого «политический рэп-баттл», отражает также и качество подготовки к вербальному противоборству самого рэпера, который стремится учитывать «музыкальность звучания поэтической речи», влияющей на формирование положительного эмоционального фона. К этому стоит только добавить, что «музыкальность звучания» рифмы воспринимается («ложится») лучше на слух. Тем не менее, важно признать, что хорошая рифмовка – это, скорее, приятное дополнение к выступлению рэпера-чтеца, чем прагма-стратегический инструмент для победы в рэп-баттле, потому что при выборе победителя чаще всего оценивается общее впечатление от всего баттла. А в политическом рэп-баттле эмоционально - смысловой посыл дискурсивных рэп-практик в сочетании с другими факторами воздействия и влияния оказывается более приоритетным и значимым по сравнению с «игрой в стихи» (Вейдле, 2002) или с обыкновенными «рифмованными речами о земле и о небе» у А. Блока.

С учетом обозначенного рифмо - ритмического “рисунка” коммуникативного конструкта, именуемого «политический рэп-баттл», целесообразно в качестве решения обозначенных в вводной части статьи проблем предпринять попытку обрисовать и зафиксировать некоторую смыслоритмическую модель коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл», которая могла бы опираться на типовые интонационные контуры смыслопорождения дискурсивных практик-посылов с учетом их (контуров)

вариативно-регуля-тивной реализации в политической интеракции агонально-эристического типа.

4. Заключение

Современные ритмы развития общества и интенсивность доминирования сетевых коммуникаций, а также новые возможности компьютерно-медийных технологий диктуют необходимость поиска и апробирования новых форм воздействия на массового избирателя, которые на современном этапе были бы эффективнее уже применяемых избирательных технологий и могли бы отвечать новым вызовам времени в сфере общественной жизни. В результате такого поиска была найдена новая форма политической технологии по отбору кандидатов на политический пост, в основу которой была положена популярная в молодёжной среде модель политического рэп-баттла. Апробация новой политтехнологической модели отбора кандидатов состоялась 5 октября 2017 года в Санкт-Петербурге в виде вербального рэп-баттла между двумя политиками, представляющими депутатский корпус Законодательного собрания города.

Состязательная форма предвыборного рэп-баттла как молодёжного политического формата оказалась площадкой политического противоборства молодёжи, на которой в спектральной разновидности своих словесных баталий или вербальных противостояний среди молодых политиков выносятся на массовое обозрение, оценку и апробацию актуальные для молодёжной среды идеи, предложения, критические замечания, которые нацелены на публичный (принародный) выигрыш в борьбе по установленным, согласованным и заранее оговоренным между всеми участниками словесных «боев» правилам.

Опираясь на установленную семантическую взаимозависимость структурно-образующих частей коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл», было зафиксировано, что характер манифестационно – антуражного (то есть «боевого» в прагматическом смысле) формата был продемонстрирован в процессе обмена батальными

действиями между соперниками. Также была установлена бескомпромиссная и нацеленная на победу направленность их “боевых” вербальных действий относительно друг друга, семантическим объёмом которых детерминирован (“окрашен”) содержанием лексического комплекса словоформы «рэп». Именно семантика лексического комплекса словоформы «рэп» позволила выбранному формату иметь характер эристического – боевого – взаимодействия, который согласно постулату «эристической логики» А. Шопенгауэра требовал «вести спор таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть всеми правдами и неправдами». Эристическая обусловленность лексического комплекса словоформы «рэп» обусловила прагматический характер соперничества и спроецировала его на бескомпромиссную словесную борьбу-дуэль в той мере, насколько семантический объём типового боевого рэп-взаимодействия позволял конгруировать (соотнести, увязывать) такие действия-выстрелы с их функционально - прагматической таргетированностью и иллокутивно - тематическими сферами используемых соперниками дискурсивных практик в пределах всего батального комплекса под названием бескомпромиссный «политический рэп-баттл».

На основе анализа лексикографических дефиниций словоформы «рэп» были выделенные отличительные признаки (также – семы), которые позволили очертить круг её наиболее значимых функционально-семантических свойств, реализуемых в эристическом обмене вербального противостояния. В их число вошли базовая или ядерная сема (признак) «речитативной декламации», а также ряд периферийных признаков (сем), которые в той или иной форме зафиксированы в лексикографических дефинициях – **а)** речитативная декламация представляет собой чтение вербальных рифмованных конструкций, **б)** речитативная декламация обладает динамикой и ритмикой выразительного чтения, **в)** речитативная декламация осуществляется в особой форме под заданный ритм. Перечисленные признаки в той или иной мере входят в семантический объём дискурсивных рэп-практик участников эристической

коммуникации. Также был определен целый ряд функционально-прагматических параметров семантического объема словоформы «рэп», определяющих её воздействующий потенциал, как то: «*локутивность*», «*каузативность воздействия*», «*направленность на адресата*», «*акциональность*» и др. К регулятивным свойствам словоформы «рэп» были отнесены признаки «*инициативность*», «*контролируемость*», «*рифморитмичность*», «*музыкальная мелодичность*», «*интенциональность*», «*интонационная вариативность*» и др.

В структуре коммуникативного конструкта «политический рэп-баттл» функционально-семантический комплекс, репрезентируемый словоформой «рэп», представляет собой полимодальный и полимодусный комплекс относительно акционально - содержательного и информационно - тематического комплекса «баттл», специфику которого предстоит раскрыть и описать в журнальной статье следующего номера.

Ссылки – References in Russian

Белый, 1991 – *Белый А.* О смысле познания. – Минск: Полифакт, 1991. – 64 с.

Большой толковый словарь, 2000 – *Большой толковый словарь русского языка.* / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

Бюдженталь, 1998 – *Бюдженталь Дж.Ф.Т.* Предательство человечности: миссия психотерапии по восстановлению нашей утраченной идентичности // Бюдженталь Дж. Ф.Т. Эволюция психотерапии: В 3-х т. / пер. с англ. А. Гнездицкой. – М.: "Класс", 1998. Т. 3. – С.180–207.

Вейдле, 2002 – *Вейдле В.В.* Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.

Версус баттл, URL – *Версус баттл*: вся информация о баттле [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://vbatle.ru/versus_info.html. Дата обращения: 25.04.2020.

Джалагония, 2001 – *Джалагония Л.А.* Взаимосвязь речи и музыки как форм человеческого общения // Вопросы психологии. – 2001, №1. – С. 130–133.

Карлсон, 2002 – *Карлсон Дж.* Телевизионное развлечение и политическая социализация // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. – М.: урсс, 2002. – С. 224–233.

Клакхон, 1998 – *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. Пер. с англ. – СПб.: «Евразия», 1998. – 352 с.

Козуров, URL – *Козуров Д.* Комсомольская Правда от 15 августа 2017 [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26718/3743840/>. Дата обращения 25.04. 2020.

Лаптева, URL – *Лаптева Е.* Что такое рэп-баттлы и как они появились в России? // Комсомольская Правда [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <https://www.tver.kp.ru/daily/26718/3743840/>.

Мандельштам, 1987 – *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. Статьи. – М.: Советский писатель, 1987. – 320 с.

Маяковский, 1959 – *Маяковский В.В.* Как делать стихи // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Худож. лит., 1955–1961. Т. 12: Статьи, заметки и выступления: (Ноябрь 1917–1930). – М.: Худож. лит., 1959. – С. 81–117.

Ноэль-Нойман, 1996 – *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: открытие спирали молчания Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с. Режим доступа: <http://socioline.ru>

Ожегов, 1990 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд., испр. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

Подосинов, 1990 – *Подосинов А.В.* и др. *Lingua Latina.* Латинско-русский словарь. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 376 с.

Политический рэп-баттл, URL – *Политический рэп-баттл*. Полная версия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VDAYUwC-TyY>.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения.– М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. –183 с.

Романов, 1992 – *Романов А.А.* Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. трудов. Отв. ред. А.А. Романов и А.М. Шахнарович. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1992. – С. 55–76.

Романов, 1992а – *Романов А.А.* Коммуникативное рассогласование как разновидность прагматического непонимания в диалоге // Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. Под ред. А.А. Романова и Г.И. Богина. – Тверь: Тверской гос. ун-т; Тверской (Калининский) СХИ, 1992а. – С. 44–48.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Прагматическая характеристика ролевых проявлений говорящего в диалоге // Лингвистики на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тез. докл. международн. конф. Том 2. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. – С. 442–444.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. – Тверь: Фамилиа, 1995. – 240 с.

Романов, 1997 – *Романов А.А.* Конфликтный диалог: типология проявлений и опыты их исследования // Когнитивная лингвистика конца XX века. Матер. Международн. научн. конф. в 3-х частях. Ч.2. – Минск: МГЛУ, 1997. – С.130–133.

Романов, 1999 – *Романов А.А.* Вербальный конфликт в диалогической игре // Homo Ludens / Человек играющий: Язык, личность, социум / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1999. – С. 12–25.

Романов, 1999а – *Романов А.А.* Конфликтный дискурс политика // «Политический дискурс в России – 3» Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. Ч.1. / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: Ин-т языкознания РАН; Диалог-МГУ, 1999а. – С.123–126.

Романов, 2000 – *Романов А.А.* Имидж политика в зеркале собственных оценочных речевых действий // Проблемы имиджелогии: Материалы 1 международной конференции 8 - 9 февраля 2000 г. в г. Кривой Рог, Украина. – Кривой Рог; Киев: Европейский университет финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса. - 2000. – С. 29–40.

Романов, 2000а – *Романов А.А.* Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения личности // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания. – М.: МГУ - Диалог, 2000а. – С. 83–89.

Романов, 2001 – *Романов А.А.* Оценка как способ фиксации и интерпретации конфликтных форм речевого общения (на материале речевой дискурсии политика) // Текст versus Дискурс: Проблемы понимания и интерпретации. Сб. научн. тр./ Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН, Тверская ГСХА, 2001. – С. 96–106.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика; Функциональный подход. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.

Романов, 2002а – *Романов А.А.* Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // *Ars Linguistica: К 75-летию профессора Ивана Павловича Сусова.* Межвузовск. Сб. научн. тр. / Отв. ред проф. А.А. Романов. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверской гос. ун-т; Тверская ГСХА, 2002а. – С. 23–30.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами? // *Номо mendax / Человек лживый: Игра с личностью или игра со смыслами.* Сб. научн. тр. / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2004. – С. 3–36.

Романов, 2005 – *Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. – 153 с.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Имидж и социально-ролевой тип поведения // Имиджелогия – 2006: Актуальные проблемы социального имиджмейкинга: Мат. Четвертого Междунар. симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2006. – С. 248–255.

Романов, 2011 – *Романов А.А.* Проблемы агрессивного поведения личности в гуманитарном дискурсе: основные подходы, понятия и дефиниции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2011, № 15. – С. 7–18.

Романов, 2012 – *Романов А.А.* Лингвоэколический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика. Материалы Международной научно-практич. конф. – Тверь: Ин-т психологии РАН; ТвГУ, 2012. – С. 78–85.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* Механизмы распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 2 (44). – С. 1–19.

Романов, 2016a – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, 2017 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: мат. Международн. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2017. – С. 205–214.

Романов, 2020 – Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ. – М.: Ленанд, 2020. – 262 с.

Романов, 2020a – Романов А.А. ”Войны без войн”: роль и влияние постправдивых дискурсивных практик ”острой силы” в информационном противостоянии // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб. научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 434–441.

Романов, Малышева, 2020 – Романов А.А., Малышева Е.В. Коммуникативные рассогласования протоколно-этикетных встреч в зеркале СМИ // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб. научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 463–465.

Романов, Немец, 2006 – Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. – Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2006. – 144 с.

Романов, Новоселова, 2019 – Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивный контент предвыборных практик политической дискуссии Владимира Путина // Studia Rusystyczne. Tom 27. – Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2019. – Р. 89–100.

Романов, Новоселова, 2020 – Романов А.А., Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как особый прагматический тип высказываний со значением угрозы // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2020, №1. С. 44–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.44.

Романов, Новоселова, 2020 – Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. – С. 419–448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448

Романов, Новоселова, 2020б – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Скрытые угрозы в предвыборном коммуникативном пространстве // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб. научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020б г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 356–459.

Романов, Романова, 2009 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до наших дней. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2009. – 156 с.

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации. – Тверь: Тверск. государственный ун-т, 2018. – 292 с.

Романов, Романова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия и контрдискурсия в концентриальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: мат. Международной научно-практической конф. – Москва: «Перо»; Саратов: Амирант, 2018. – С. 284–289.

Романов, Романова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Демонстративы как маркеры сетевого поведения Я-медиа в цифровой коммуникации // *Studia Rusystyczne*. Tom 27. – Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2019. – Р. 101–106.

Романов, Романова, 2019а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Медийные демонстративные Я - практики как перформативные маркеры сетевой идентификации // *Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / научн. ред. проф. В.Н. Степанов.* – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 813–825.

Романов, Романова, 2020 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейк vs факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб.

научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 441–446.

Романов, Романова, 2020a – *Романов А.А., Романова Л.А.* Стратегический ресурс коммуникативных практик “острой силы” в информационном противостоянии “война без войны” // Человек в языке и коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. [Электронный ресурс] / отв. за выпуск М.В. Веккесер. – Электрон дан. (6,1 Мб). – Красноярск: Сибирск. федер. ун-т, 2020a. Вып. 11 (20). – С. 46–53.

Романов, Романова, Воеводкин, 2000 – *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: Язык власти и Власть языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2000. – 112 с.

Романов, Ульянич, 2014 – *Романов А.А., Ульянич Г.А.* Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Институт прикладной лингвистики и массовых коммуникаций Тверской ГСХА, 2014. – 163 с.

Романов, Ходырев, 2000 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управление персоналом: Психология влияния. – М.: Лилия, 2000. – 216 с.

Романов, Ходырев, 2001 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.

Романов, Царьков, Романова, 2017 – *Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А.* Дискурсивный портрет думского либерала: Опыт историко-лингво-политологического описания материалов публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России. – Тверь: Ин-т прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, 2017. – 201 с.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Герс; Тверская ГСХА, 1998. – 205 с.

Русский рэп, URL – *Русский рэп: История возникновения рэпа в России* [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://www.jump-street.ru/history_rus_rap.html. Дата обращения: 25.04. 2020.

Рэп музыка, URL – *Рэп музыка в России* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hiphop.ru/rap/> Дата обращения: 06.05.2018.

Харлап, 1975 – *Харлап М.Г.* Ритм в музыке и стихе // Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энцикл., 1969–1978. – Т. 22. – М.: Сов. энцикл., 1975.: http://enc-dic.com/enc_sovet/Ritm-76959.html

Шопенгауэр, 1900 – *Шопенгауэр А.* Эристика. Уловки [Электронный ресурс] // Искусство побеждать в спорах. Сборник. Пер. Н.Л. д' Андре. – СПб, 1900. – С. 3–27. Режим доступа.: <https://ru.wikisource.org/wiki/>

References

Bely, A. (1991) *On the Meaning of Knowledge*, Minsk, Polyfact, 64 p. (in Russian)

Budgetal, J.F.T. (1998) The betrayal of humanity: the mission of psychotherapy to restore our lost identity // Budgetal J. F.T. *The evolution of psychotherapy: In 3 volumes* / per. from English A. Gnezditskaya M., “Class”, Vol. 3, pp.180–207. (in Russian)

Carlson, J. (2002) Television entertainment and political socialization // Makarov M.M. *Mass communication in the modern world: analysis methodology and research practice*, M., urss, pp. 224–233. (in Russian)

Harlap, M.G. The rhythm in music and poetry // Great Soviet Encyclopedia: In 30 vols. 3rd ed. / Ch. ed. A.M. Prokhorov, M., Sov. Encycl., 1969-1978. Т. 22, М., Sov. Encycl., 1975 .: http://enc-dic.com/enc_sovet/Ritm-76959.html (in Russian)

Jalagonia, L.A. (2001) The relationship of speech and music as forms of human communication // *Questions of Psychology*, 2001, No. 1, pp. 130–133. (in Russian)

Kecskemeti, P. (1952) *Meaning, Communication, and Value*, Chicago, Univ. Press, 1952. – 349 p.

Klakhon, K. (1998) *The Mirror for Man. Introduction to Anthropology*, Trans. from English St. Petersburg, Eurasia, 352 p. (in Russian)

Kozurov, D. *Komsomolskaya Pravda*, August 15, 2017 [Electronic resource], URL: Access mode: <https://www.kp.ru/daily/26718/3743840/>. Date of appeal 25.04. 2020. (in Russian)

Large Explanatory Dictionary of the Russian Language (2000) / Comp. and ch. ed. S.A. Kuznetsov, St. Petersburg, “Norint,” 1536 p. (in Russian)

Lapteva, E. What are rap battles and how did they appear in Russia? // *Komsomolskaya Pravda* [Electronic resource]. URL: Access Mode: <https://www.tver.kp.ru/daily/26718/3743840/>. (in Russian)

Mandelstam, O.E. (1987) *Word and culture. Articles*, M., Soviet writer, 320 p. (in Russian)

Mayakovsky, V.V. (1959) How to make poetry // Mayakovsky V.V. *Full Sobr. Op.* : 13 vol. / USSR Academy of Sciences; Institute of World Lite. them. A.M. Gorky, M., Khudozh. lit., 1955–1961, T. 12: Articles, notes and speeches: (November 1917–1930). M., artist. lit., pp. 81–117. (in Russian)

Noel-Neumann, E. (1996) *Public Opinion: Opening the Spiral of Silence Per. with him.* / Total. ed. and foreword. Mansurova N.S. M., Progress Academy, The Whole World, 352 p., Access Mode: <http://socioline.ru> (in Russian)

Ozhegov, S.I. 1990) *Dictionary of the Russian language*. 23rd ed., Rev., / Ed. N.Yu. Swede. M., Russian language, 917 p. (in Russian)

Podosinov, A.V. et al. (1999) *Lingua Latina. Latin-Russian dictionary*. 3rd ed., Rev. M., Flint, Science, 376 p. (in Russian)

Political rap battle. Full version [Electronic resource], URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VDAYUwC-TyY>. (in Russian)

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogic communication*, M., Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences; Kalininsky Agricultural Institute, 183 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (1992) Communicative initiative of the speaker in the dialogue // *Text as a structure*. Sat scientific labor. Repl. ed. A.A. Romanov and A.M. Shakhnarovich, Moscow - Tver, Institute of Linguistics, RAS; Tverskaya State Agricultural Academy, pp. 55–76. (in Russian)

Romanov, A.A. (1992a) Communicative mismatch as a kind of pragmatic misunderstanding in dialogue // *Materials of the First and Second Tver Hermeneutic Conferences*. Ed. A.A. Romanov and G.I. Goddess, Tver, Tver state. un-t; Tver (Kalininsky) Agricultural Institute, pp. 44–48. (in Russian)

Romanov, A.A. (1995) A pragmatic description of the speaker's role manifestations in a dialogue // *Linguistics at the end of the 20th century: Results and prospects*. Tez. doc. international conf. Volume 2, M.: Moscow State University. M.V. Lomonosov, pp. 442–444. (in Russian)

Romanov, A.A. (1995) Romanov A.A. *Grammar of business conversations*, Tver, Surname, 240 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (1997) Conflict dialogue: typology of manifestations and experiences of their research // *Cognitive linguistics of the late twentieth century*, Mater. Intl. scientific conf. in 3 parts, Part 2, Minsk, Moscow State Linguistic University, pp.130–133. (in Russian)

Romanov, A.A. (1999) Verbal conflict in a dialogical game // *Homo Ludens / Man playing: Language, personality, society* / Otv. ed. prof. A.A. Romanov, Moscow - Tver: Institute of Linguistics, RAS; Tverskaya State Agricultural Academy, pp. 12–25. (in Russian)

Romanov, A.A. (1999a) Conflict discourse of politics // *"Political discourse in Russia - 3" Materials of the workshop on March 27-28, 1999*. Part 1. / Ed. Yu.A. Sorokina and V.N. Bazyleva, M., Institute of Linguistics, RAS; Dialog-Moscow State University, pp. 123–126. (in Russian)

Romanov, A.A. (2000) Image of a politician in the mirror of his own evaluative speech actions // *Problems of Imageology: Proceedings of the 1st international conference on February 8–9, 2000 in Krivoy Rog, Ukraine, Krivoy*

Rog; Kiev: European University of Finance, Information Systems, Management and Business, pp. 29–40. (in Russian)

Romanov, A.A. (2000a) Evaluation as a way of fixing the conflict of personality speech behavior // *Political discourse in Russia - 4. Materials of the workshop*, M., Moscow State University - Dialog, 2000a, pp. 83–89. (in Russian)

Romanov, A.A. (2001) Evaluation as a way of fixing and interpreting conflicting forms of verbal communication (based on the material of speech discourse of a politician) // *Text versus Discourse: Problems of understanding and interpretation*. Sat scientific tr. ed. prof. A.A. Romanov, Moscow - Tver, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Tverskaya State Agricultural Academy, pp. 96–106. (in Russian)

Romanov, A.A. (2002) *Political Linguistics; Functional approach*, Moscow - Tver: Institute of Linguistics, RAS; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (2002a) A language portrait of a politician in a suggestive paradigm // *Ars Linguistica: On the 75th anniversary of Professor Ivan Pavlovich Susov. Interuniversity. Sat scientific tr. / Ans.* Ed prof. A.A. Romanov, Moscow - Tver: Institute of Linguistics, RAS; Tver state. un-t; Tverskaya State Agricultural Academy, pp. 23–30. (in Russian)

Romanov, A.A. (2004) Suggestive model of verbal communication: manipulation or play with meanings? // *Homo mendax / The lying man: A game with personality or a game with meanings*. Sat scientific tr / Ans. ed. prof. A.A. Romanov, Moscow - Tver, Institute of Linguistics, RAS; Tverskaya State Agricultural Academy, pp. 3–36. (in Russian)

Romanov, A.A. (2005) *Semantics and pragmatics of German performative utterance-requests*, Moscow - Tver: Institute of Linguistics, RAS; Tverskaya State Agricultural Academy, 153 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (2006) Image and social-role type of behavior // *Imageology - 2006: Actual problems of social image-making: Mat. Fourth Int. Symposium on Imageology / Ed. E.A. Petrova, M., RIC AIM*, pp. 248–255. (in Russian)

Romanov, A.A. (2011) Problems of aggressive personality behavior in humanitarian discourse: basic approaches, concepts and definitions // *Bulletin of Tver State University, Series: Pedagogy and Psychology*. No. 15, pp. 7–18. (in Russian)

Romanov, A.A. (2012) Linguoecological approach to the prevention of verbal aggression in the professional environment // *Management Psychology in modern Russia: Theory, empirical research, practice*. Materials of the International scientific and practical. conf. Tver, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Tver State University, pp. 78-85. (in Russian)

Romanov, A.A. (2016) The mechanisms of the spread of "viral" ideas in the infosphere of regulatory and memetic reality [Electronic resource] // *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. No. 2 (44). P. 1–19. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian)

Romanov, A.A. (2016) “The Discourse Window” as a regulatory mechanism for the dissemination and implementation of “viral” information: two approaches to the problem [Electronic resource] // *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. No. 4. P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian)

Romanov, A.A. (2017) “The Discourse Window” as a technology for changing perceptions of reality // *Language Discourse in Social Practice: Mat. International scientific and practical. Conf.*, Tver, Tversk. state Univ., 2017, pp. 205–214. (in Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Linguopragmatic model of speech control of dialogue: System analysis*, M., Lenand, 262 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (2020) “Wars without wars”: the role and influence of post-truth discursive practices of “sharp power” in the information confrontation // *Digitalization in the agricultural sector: technological resources, new opportunities and challenges of the time*. Sat scientific tr according to the materials of the Intern. scientific - prakt. conf. February 11-13, 2020 Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 434–441. (in Russian)

Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2020) Communicative discrepancies of protocol-etiquette meetings in the media mirror // *Digitalization in the agro-industrial complex: technological resources, new opportunities and challenges of the time*. Sat scientific tr. according to the materials of the Intern. scientific - prakt. conf. February 11-13, 2020 Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 463–465. (in Russian)

Romanov, A., Malysheva, E. (2016) Political language in internet communication // *Proceedings of the V International Academic Congress Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries* (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015), Cambridge, Cambridge University Press, Volume II, pp. 152–158.

Romanov, A.A., Nemeč, N.G. (2006) *The Discourse of Consolation: Linguopsychological Analysis*, Moscow-Tver, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Tverskaya State Agricultural Academy, 144 pp. (in Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2019) Variable content of election practices of political discourse of Vladimir Putin // *Studia Rusystyczne*. Tom 27, Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, pp. 89–100. (in Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Pre-election menasives as a special pragmatic type of statements with the meaning of a threat // *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*, Ser ., Humanities and Social Sciences, 2 No. 1, pp. 44–52, DOI: 10.17238 / issn2227-6564.2020.1.44. (in Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Discursive realization of the threat in election communication // *Russian Journal of Linguistics*. T. 24. No. 2. pp. 419–448, DOI: 10.22363 / 2687-0088-2020-24-2-419-448 (in Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Hidden threats in the pre-election communication space // *Digitalization in the agro-industrial complex: technological resources, new opportunities and challenges of the time*, Sat. scientific tr. according to the materials of the Intern. scientific - prakt. conf. February 11-13, 2020, Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 356–459. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2009) *The attraction of performative. Essays on the theory of performativity from J.L. Austin to the present day*, Moscow - Tver, Institute of Linguistics, RAS; Tver State Agricultural Academy, 156 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) *Verbal aggression in professional communication*, Tver, Tversk. State University, 292 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Fake discourse and counterdiscourse in consensual confrontation // *Russian language and literature in professional communication and multicultural space*: mat. International Scientific and Practical Conf. Moscow, “Feather”; Saratov: Amirant, pp. 284–289. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019) Demonstrators as markers of the network behavior of I-media in digital communication // *Studia Rusystyczne*, Tom 27, Kielce, Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, pp. 101–106. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019) Media demonstrative self - practices as performative markers of network identification // *Russian grammar: active processes in language and speech: collection of scientific papers of the International Scientific Symposium* / scientific. ed. prof. V.N. Stepanov, Yaroslavl, RIO YAGPU, pp. 813–825. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2020) Fake vs fact in the information struggle for reputation capital // *Digitalization in the agro-industrial complex: technological resources, new opportunities and challenges of the time*. Sat scientific tr according to the materials of the Intern. scientific - prakt. conf. February 11-13, 2020 Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 441–446. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2020a) A strategic resource of communicative practices of “sharp power” in the informational confrontation “war without war” // *Man in the language and communicative space*: Sat. scientific Art. [Electronic resource] / otv. for the release of M.V. Weckesser, The electron is given. (6.1 Mb), Krasnoyarsk, Siberian. Feder. Univ., vol. 11 (20), pp. 46–53. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, E.G., Voevodkin, N.Yu. (2000) *A proper name in politics: Language of Power and Power of Language*, M., Institute of Linguistics, RAS; Tver State Agricultural Academy, 112 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Ulyanich, G.A. (2014) *Melody discourse as an information medium in the public communications system*, Moscow - Tver, Institute of Linguistics, RAS; Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of the Tver State Agricultural Academy, 163 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Khodyrev, A.A. (2000) *Personnel management: Psychology of influence*, M., Lily, 216 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Khodyrev, A.A. (2001) *Administrative rhetoric*, M., Lily, 216 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Tsar'kov, P.B., Romanova, L.A. (2017) *Discursive portrait of the Duma liberal: The experience of the historical-linguistic-politicalological description of journalism materials and verbatim records of meetings of the State Duma of Russia*, Tver: Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of the TSAA, 201 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1998) *Linguistic suggestion in pre-election communication*, Tver: Gers; Tver State Agricultural Academy, 205 p. (in Russian)

Russian rap: The history of rap in Russia [Electronic resource]. URL: Access mode: http://www.jump-street.ru/history_rus_rap.html. Date of appeal: 25.04.2020. (in Russian)

Rap music in Russia [Electronic resource]. Access mode: <http://www.hiphop.ru/rap/> Date of access: 05/06/2018. (in Russian)

Schopenhauer, A. (1900) *Eristica. Tricks* [Electronic resource] // *The Art of Winning in Disputes*. Collection. Per. N.L. d 'Andre. St. Petersburg, pp. 3–27. Access Mode: <https://en.wikisource.org/wiki/> (in Russian)

Versus battle: all information about the battle (2020) [Electronic resource], URL: Access mode: http://vbatle.ru/versus_info.html, Date of access: 04.25.2020. (in Russian)

Weidle, V.V. (2002) *Embryology of Poetry: Articles on Poetics and Theory of Art*, M., Languages of Slavic Culture, 456 p. (in Russian)